

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

- 1) Расскажите, пожалуйста, о чём рассказ «Гречневая каша» в письменной и устной форме.
- 2) Вы полагаете, что автор рассказа всё выдумал, приукрасил или всё, что он рассказывает, является правдой?
- 3) Понравился ли Вам рассказ?

Гречневая каша

Приехав во Францию, в так называемую «колбасную эмиграцию», мы с супругой поселились у зятя — мужа, естественно, моей дочери. «Колбасной» же эта эмиграция названа по причине необъяснимой тати россиян испокон веков к этому продукту. Вернее, очень объяснимой, так как 70 лет россиянин проживал в колбасном вакууме. Было о чём мечтать. И конечно, было чему завидовать. Поэтому те, кто оставался в этом российском, или постсоветском, пространстве, особенно раздражались отъездами знакомых или друзей. Вот от раздражения и пошло это прозвище про «колбасную эмиграцию». А один из не очень признанных поэтов вообще оскорбительно назвал отъезжающих людьми, променявшими Родину на тёплый университет.

Я лично очень оскорбился последнему замечанию, хотя про колбасу терпел, и начал выяснять про этого поэта. Мое частное расследование показало: и этот поэт — завистлив. Хотя истоки зависти я выяснил. Совсем не по Фрейду. Просто он жил в поселке Ашукинская, в домике, где «удобства» были на улице. А так как его проживание там было постоянным, то есть и зимой тоже, то упоминание о теплом туалете, как предпосылке замены Родине, объяснимо. И даже где-то оправдано. Наболело. Всё-таки поэт, ранняя натура.

Вот мы временно и поселились у зятя. Что для французского зятя было несколько удивительно. Даже необъяснимо. Но, видно, рассуждал зять, это в непонятных ему до конца славянских обычаях, поэтому был вежлив, лоялен, терпел наше пришествие и пользовался случаем изучить хоть немного этого Homo sovieticus, так сказать, изнутри.

Поэтому я часто ловил на себе внимательные, любопытные взгляды вежливого интеллигентного европейца средних лет. И вёл себя соответственным образом. То есть старался поразить воображение. И удивить. Что, в общем, удавалось. Так за завтраком я стал наливать себе фужер водки. Аккуратно выкладывая на блюдечко ломтик сельди норвежской, лимон и ложечку диетического французского творога с нулевым содержанием всего. Заметьте, господа, селедка и творог! Неслабо, а! Затем подменял фужер водой и лихо выпивал. Пытаясь после мурлыкать достаточно фальшиво или «Марсельезу», или «Вставай, проклятьем...». Первое утро, увидав всё это, зять был в шоке. И так до сих пор и не отошёл от него, хотя и жена, и дочь ему доказывали, что-де я — шутник с детства. Я это поддерживал, особенно акцентируя его внимание на детстве моем военной поры, то есть очень тяжёлом.

Беседаю со своей женой, моей дочерью, зять жаловался, что на работе никому не может рассказать про своих родственников — этих русских. «Ну, кто поверит, что теть мой за завтраком выпивает фужер водки и не умирает сразу?»

Затем я путал зятя попытками вывешивать в обеденное время с балкона красное знамя с эмблемами СССР. Мотивируя это лучшим выделением желудочного сока от лицезрения флага исчезнувшей империи.

Было от чего прийти в шокое состояние моему бедному зятю. Он даже пытался подглядеть в душе, есть ли у меня хвост. Не уверен, что он удивился бы, его обнаружив. В общем, я резвился, как мог. Чего стоит этот розыгрыш с КГБ.

Когда-то на Арбаге я купил шуточное удостоверение КГБ, где вся «фишка» состояла в гонимости: «Комитет Государственной Опасности». Что не все замечали и верили в его, документа, действительную силу. Я оставил его ненароком на

обеденном столе, а зять спросил у дочери, что это за удосто-верение.

«Шутки у тебя дурацкие», — пеняла мне жена, отпайвая зятья чаем с валериановыми травками. Пять месяцев большого труда стоило мне убедить зятя в его ошибочном мнении о моем государственном статусе. Наивные европейцы верят всему. Но в конце его добила эпопея с гречневой кашей. Дело же, казалось, простое.

За чашкой вечернего чая, обсуждая особенности загадочной русской кухни и не менее загадочные французские обычаи всю трапезу заканчивавать сырами, зять сказал, что ни-когда не пробовал гречневой каши «а-ля рюс».

А читал много. Даже чуть ли не то у Достоевского, не то у Толстого. Вроде бы даже, по слухам, и цари едали гречневую, а уж обыватели... ну просто национальная особенность русской кухни — эта гречневая каша.

Зять, сам того не ожидая, попал в точку. Моя супруга — отменная кулинарка. Чем и сохранила, к стати, крепкую неветскую семью. В том смысле, что во время стандартных недоразумений и ненужных претензий ко мне, когда страсти достигали опасной метки 100 °С, я остывал и сдавался. Просто потому, что представлял — я буду где-то в другом месте и есть уже совершенно иную пишу, и над столом будут мелькать не полные руки моей супруги, а какие-то, да не дай ещё Бог худые, нервически, в браслетах. И есть придётся Бог знает что. Конечно, сразу сдавался. А что ещё делать!

Уверен, что любой читатель мужеска полу тут призадумается. Жизнь!

Супруга же моя пришла в возбуждение совершенно. Готовить умела и любила. И делала это с широтой уроджденной сибирячки.

Так началась операция «гречневая каша».

Две недели мы обследовали все русские магазины Парижа. Искали гречку. Находили. Но вся то германского, то

польского происхождения. Это не подошло по высоким понятиям технологии. Устав от бесплодных поисков и особенно огорчась расходами бензина на это не такое уж важное дело, я, конечно, обманул жену. Купив гречку немецкого «розлива», я пересыпал ее в мешочек, украденный у супруги, и заявил, что только что у поезда Москва — Париж, прямо у вагона, купил у проводника вот этот мешочек гречки чистейшего российского производства. Жена поверила. Она всему верит, святая наивность. Даже не удивилась по поводу поезда. Уже более 15 лет вагон Париж — Москва — Париж отменен из-за нерентабельности.

Короче, вечером крупа была промыта, рассыпана по чистейшему полотенцу, и началось первое священнодействие: отбор камешков, песчинок, веточек и прочего сопутствующего мусора. Зять с изумлением наблюдал за всеми операциями. Интересовался у дочери. Она ему переводила и пояснила. Зять удивился. «Разве, — спрашивал он, — могут быть в пищевой крупе какие-либо посторонние предметы? Ведь производитель может попасть под суд. Оплатить крупные штрафы. И тому подобное». Зять был юрист и закон читл почти так же трепетно, как и свою жену. А может, и больше.

Наконец все свершилось. Каша была сварена. Отменно пахла. Допрела под полупшкками. На стол поставили сметану, масло. Жена принесла палехские деревянные ложки. Только ими, мол, в России едят эту кашу. Зять смотрел на все эти ритуальные действия с большим уважением. Первая ложка. «О!..», «А!..», «Мгу...» — раздалась удовлетворенные, восторженные восклицания зятя. Вторая ложка. Варуг что-то громко хрустнуло. Зять испуганно посмотрел на нас. Ему попал камешек. Кусок зуба был отломан.

Почти полгода вся семья, особенно, конечно, зять, доби-вались от меня адреса и названия русской фирмы, постав-ляющей в Европу этот продукт. Я же не мог признаться, что

РУССКИЙ ДОМ

крупа была не российская, а немецкая. Ибо обман, пусть и самый невинный, моей супругой карался быстро и беспощадно. Больше ничего национального зять просил не готовить. Да и уехали мы вскоре на другую квартиру. Иногда, встречая меня, зять ехидно спрашивал: «А что, манную кашу перед изготовлением в России тоже промывают?» За pochinkу зуба он заплатил 850 евро.

Много сотен лет назад в густых лесах приблизительно в 23 км от Парижа, тогда ещё просто поселения городского типа, девушка по имени Женестьева обнаружила ключ чистой питьевой воды. Окрестные жители ключом начали пользоваться. Даже мятясь, что в те времена случалось не очень-то часто. Присматривала же за ключом Женестьева, которую за кротость, помощь ближнему и радушию народ полюбил. Стали происходить и вещи таинственные. То излечивался больной. То эпилептик получал покой, искупавшись в ручье. А то и деревня, охваченная эпидемией, что в те годы было просто катастрофой, целиком исцелялась, искупавшись у волшебного ключа.

Таким вот образом и стала дева Женестьева святой, а впоследствии и покровительницей Парижа. А селения вокруг ключа образовали город Сент-Женестьев-де-Буа — мол, святая Женестьева в лесу.

Город рос и развивался. Насажали сюда и галлы королевских кровей. Охотились и оказывали посильное внимание местным пейзажам.

В этом вот благословенном месте и начали селиться и русские эмигранты. Постепенно они становились на ноги. Появились домики. Конечно, огороды. И погосты. А какой же русский погост без церкви? Так вот возникло русское кладбище Сент-Женестьев-де-Буа.

Здесь вся Россия. Портнихи, есаулы, генералы, дипломаты, священники, первопроходцы, денкиницы, корниловцы — вся история России здесь, на этом кладбище.

А совсем недалеко — Русский дом или, что печальнее, старческий дом. Некогда усадьба наполеоновского маршала, парк, остатки сада, службы. Здесь и поселились бездом-